

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей Самаров

ЗОМБИРОВАННЫЙ
ГОРОД

Сергей Васильевич Самаров

Зомбированный город

Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8656599

Сергей Самаров. Зомбированный город: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-76579-9

Аннотация

Профессор военного НИИ Игорь Страхов изобрел электромагнитный излучатель, с помощью которого можно «программировать» людей на совершение тех или иных действий. Лабораторные испытания аппарат прошел блестяще, настало время испытать чудо техники в боевых условиях. В составе отряда спецназа ГРУ Страхов отправляется в горы для участия в операции по уничтожению крупной банды боевиков. При помощи излучателя удастся «перепрограммировать» боевиков, и те убивают друг друга. Удовлетворенное начальство приказывает Страху опробовать аппарат в условиях города. Профессор с азартом берется за дело, не подозревая, к каким катастрофическим последствиям приведет испытание излучателя в мегаполисе...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	18
Глава вторая	36
Глава третья	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сергей Самаров

Зомбированный город

Пролог

Волны были свинцового цвета. Казалось, колышется гигантское море свинца. С палубы чудилось, что по этой поверхности человек запросто может пройти. Возможно, это лучи солнца, пробиваясь сквозь разрывы в тучах близко к горизонту, создавали такой эффект, но воды такого цвета моряки не встречали даже в северных широтах, не говоря уже о морях, разделяющих Японию и Китай.

Впрочем, рыбаки с трех японских рыболовных шхун в северных широтах не плавали и цвета тех вод не знали. Они все были жителями южных японских островов. А вот на неподалеку от них расположившемся на безъякорной стоянке американском эсминце «Аризона», входящем в состав Седьмого флота США¹, моряки всякое море повидали, и им было с чем сравнивать. На эсминце была объявлена боевая готовность «зеленого цвета»², и все моряки заняли свои посты.

¹ Седьмой флот США – флот так называемого Азиатско-Тихоокеанского региона.

² Боевая готовность «зеленого цвета» – во флоте США боевая готовность личного состава делится на три категории: «желтая», «зеленая» и самая высшая –

И даже морская пехота вышла на палубу, готовая за минуты погрузиться в вертолеты, если будет такая команда. Боевая готовность была вызвана приближением к островам, из-за которых уже многие годы ведется территориальный спор между Японией и Китаем, трех китайских скоростных ракетных катеров. Соединенные Штаты, хотя и являются официальным союзником Японии, никак не пытались вмешаться в разрешение спора, однако пообещали, в случае возникновения вооруженного конфликта, оказать Японии поддержку военной силой. Только после этого Китай слегка успокоился, а Япония, напротив, разозлилась. Произошло несколько захватов китайских рыболовных судов вместе с экипажами, промышлявших рядом со спорными островами. В ответ китайская сторона, чтобы не «уронить лицо», стала время от времени посылать в эти воды свои ракетные катера. Был произведен ответный захват японских рыболовных шхун. И только после этого командование Седьмого флота США выставило к островам свой эсминец «Аризона». Якобы для предотвращения вооруженного конфликта.

Между эсминцем и ближайшим островом была дистанция в пять старых американских кабельтовых³, примерно посередине между эсминцем и островом расположились одна в

«красная».

³ Кабельтов – морская мера длины. Международный кабельтов – 185,2 метра, американский кабельтов (старый американский, как его иногда называют, потому что в гражданском флоте США уже применяется международный кабельтов) – 219,456 метра.

фарватер другой три японские рыболовные шхуны. Китайские катера, очевидно, намеревались пройти между островом и шхунами, пользуясь своей малой посадкой. Они так и шли, не сбавляя скорости и не опасаясь того, что винты катеров могут зацепиться за рыболовные тралы. Впрочем, что выдержит, винт или трал, сомнений не вызывало. Китайцы намеренно желали повредить рыбакам снасти. Но это были не боевые действия, и потому американский эсминец не вмешивался в ситуацию. Американцы не брали на себя добровольную миссию по охране территориальных вод Японии, тем более территориальные воды вокруг спорных островов тоже были спорными.

Однако то, что увидели американские военные моряки, было им совершенно непонятно. Катера пролетели мимо шхун на полной скорости. Судя по тому, как вдруг задержалась всем корпусом средняя из шхун, ее трал все-таки был зацеплен винтами катера. Но катер даже не снизил скорости. Мощность двигателя позволяла это. А сами японские моряки вдруг, ни с того ни с сего, стали прыгать через другой борт в ледяную свинцового цвета воду. Не снимая тяжелых резиновых сапог, не скидывая с себя зюйдвестки, просто прыгали один за другим. Таких ныряльщиков оказалось много. Почти все японцы покинули свои суда, но вынырнуло, как оказалось, не больше десятка. И совершенно неясно было, что привело рыбаков в такое паническое состояние, что толкнуло их на отчаянное самоубийство, вызванное, похоже, не тя-

желыми раздумьями, а исключительным влиянием момента.

С американского эсминца срочно спустили спасательный мотобот, и на полной скорости команда мотобота устремилась в сторону торчащих над водой коротко стриженных голов. Однако, когда бот добрался до места, над поверхностью уже виднелось только три головы. Двоих вытащили, подплыли на веслах к третьему, но японец испуганно посмотрел на спасателей глазами, горящими от ужаса, и нырнул под бот. И больше уже не выныривал, и его не смогли выловить даже двумя баграми, хотя пытались несколько минут...

Рапорт о происшествии ушел в штаб Седьмого флота в японский порт Йокосука⁴ срочной шифротелеграммой. Ответ пришел в течение часа, но уже не из штаба флота, а из Госдепартамента США⁵. Какое отношение к происшествию имел Госдепартамент, было непонятно. Но приказ категоричен: законсервировать и задержать японские рыболовецкие суда до прибытия бригады экспертов лаборатории ЦРУ. Поместить в лазарет спасенных японских моряков и ни в коем случае не выпускать до полного обследования экспертной научно-медицинской бригадой. За выполнение приказа отвечал лично командир эсминца «Аризона» командер⁶ Ла-

⁴ Йокосука – центральный город в японском регионе Канто, расположенном в префектуре Канагава, в семидесяти километрах к югу от Токио.

⁵ Госдепартамент США – главная функция – министерство иностранных дел, параллельно выполняет еще целый ряд дополнительных функций, но всегда связанных друг с другом.

⁶ Коммандер – американское офицерское флотское звание, соответствует рос-

удруп.

Мало того что само происшествие было странным, но еще более странной была реакция на рапорт. Командир эсминца командер Эрик Лаудруп, впрочем, свою службу знал и решил все выполнить в точности. Сухой грубоватый педант, он никогда и ни по какому поводу не выказывал публично своего удивления. Но работу свою всегда выполнял в точности, как ему говорилось. Не изменил он устоявшимся привычкам и в этот раз. Он выслал два мотобота для постановки на якорь рыболовецких судов и запретил матросам что-либо трогать на борту. Для устрашения командер сразу придумал байку, в которую сам поверил, потому что ничего другого ему на ум не пришло:

– Китайцы применили какое-то новое психотронное оружие. Если будете что-то трогать, рискуете подвергнуться облучению. Сразу нырнете, вслед за японцами. Только и исключительно – шхуны на якорь, и возвращаетесь. Иначе я сам вас в воду сброшу...

Лаудруп посмотрел за борт. Вода даже внешне выглядела отвратительно холодной, и не боялся ее, наверное, он один, потомок, как сам говорил, датских викингов. А викинги никогда ледяной воды не пугались и без страха правили своими драккарами даже среди ледяной шуги.

На одной шхуне все было выполнено согласно приказу и в один момент. Предупреждение командера подействовало и

лишило матросов желания проявлять любопытство. Только с двух других шхун матросы выходили на связь с командером и запрашивали инструкции по поведению. На средней – за рацией остался радист, который явно сошел с ума, не давался в руки военным морякам и не позволял снять с себя наушники. На второй – капитан и, кажется, владелец застрелился сам и застрелил двух находящихся в рубке людей, видимо, матросов. Лаудруп приказал связать сумасшедшего радиста и доставить в лазарет, а убитых оставить на месте до разбирательства, которое будут проводить специалисты.

Мотоботы, выполнив задание, вернулись, а шхуны так на якоре и ждали осмотра. Два спасенных рыбака и сумасшедший радист были помещены в лазарет. Радиста пришлось привязать к койке, но наушники он не давал снимать. Так его в них и оставили, чтобы не визжал, как недорезанная свинья. Через три часа командер Лаудруп заглянул в лазарет, чтобы поговорить с судовым врачом. Врач в сомнении покачал головой. У одного из рыбаков началась после купания сильнейшая горячка. Выпускать его было нельзя ни при каких условиях. Да он и сам не рвался, лежал без движений и пытался дышать полной грудью, что у него, видимо, вызывало боль. А второй оказался крепким парнем, даже насморк после купания не заработал, желал как можно быстрее вернуться на свою шхуну, а потом отправиться домой. О том, что на шхуне никого больше нет, рыбаку не сообщили. А сам он ничего не помнил о случившемся. Помнил только, что его вы-

ташили американские матросы. А что до этого произошло, почему он оказался в воде – это в памяти рыбака не сохранилось. Думал, что просто по неосторожности упал за борт.

Коммандер Лаудруп на всякий случай отправил в штаб Седьмого флота еще одну шифротелеграмму, в которой добавил подробности о случившемся, описал состояние спасенных и попросил сообщить о происшествии японским властям, чтобы ему потом не предъявили обвинений в сокрытии происшествия. На эту «шифровку» ответил старший офицер разведдепартамента флота. Сообщил, что сообщение уже передано японским властям и около часа назад к островам вышел полицейский катер. Прибудет, вероятно, только ночью. Катер старый и тихоходный. Что касается всего остального, Лаудрупу предложили терпеливо ждать и предупредили, что при попытке приближения тех китайских военных катеров к эсминцу экипаж обязан открыть огонь на поражение.

Ждать... Сколько же придется ждать? Когда придут обещанные специалисты-эксперты, известно не было. Они должны были прибыть не из Йокосуки, а из США. А это не близкий путь. И как они на борт поднимутся? Принимать на свой борт вертолеты эсминца еще мог, если перед этим поднять в воздух хотя бы один из двух своих палубных вертолетов и освободить площадку, а вот самолеты – нет. И до ближайшего авианосца было более полутора суток хода с крейсерской скоростью. Как будут добираться эксперты? Но скоро пришла радиограмма о том, что бригады экспертов выле-

тели на гидроплане. Командира эсминца «Аризона» просили обеспечить снятие бригад с борта гидроплана своими подручными плавсредствами и обеспечить им пребывание на эсминце. Ни первое, ни второе сомнений не вызывало. Если самолет приводнится, мотоботы легко снимут пассажиров. И разместить их есть где. Экипаж прилично недоукомплектован до нормы, и свободные каюты имеются. Причем хорошие каюты, офицерские – это не тесные матросские кубрики. Вопрос стоял только лишь о том, сможет ли гидроплан совершить посадку на беспокойное море – решение этого вопроса командир эсминца оставил на усмотрение пилотов гидроплана, лучше знающих способности своей машины и собственные обученность и навыки. Сам же приказал держать наготове два мотобота и следить за воздухом.

За воздухом следили радары и издали обнаружили приближение самолета. Гидроплан прилетел только вечером. Хорошо еще, что успел до наступления темноты. Он долго кружил над «Аризоной» и водной поверхностью, не решаясь на приводнение из-за высокой волны. Наконец, пилот набрался храбрости и удачно посадил гидроплан лыжами-понтонками на волну. Причем даже сумел какое-то время покатайся по волне, подбираясь ближе к эсминцу.

Чтобы эксперты не надумали купаться, подобно японцам, командир эсминца «Аризона» поторопился выслать мотоботы. Высадка из гидроплана и доставка на эсминец прошла без задержки, слаженно и быстро. Сказалась выучка матро-

сов, которой командер всегда гордился. Он любил учить матросов, за что в спину ему часто раздавался недовольный шепот.

Экспертных бригад, как понял Лаудруп, было две. Одна – медицинская, сразу же осевшая в лазарете, а вторая, составленная из специалистов по радиоэлектронике, которые не направились сразу к японским рыболовецким шхунам, как думал командир «Аризоны», приготовивший мотобот, а занялись исследованием записей приборов самого эсминца. Ни одну, ни другую бригаду приготовленные им каюты пока не интересовали. Эксперты торопились начать работу и надолго застревать на эсминце не собирались. Это Лаудрупа устраивало, тем более что в медицинской бригаде была рыжеволосая женщина. А женщина на корабле, да еще рыжая, – это к большому несчастью. Но уделять женщине внимание капитан эсминца не мог. В лазарет его не пустили. Лаудруп стал готовить вторую бригаду к отправке на шхуны. Впрочем, анализ записей приборов не занял много времени. Мало понимая в электронике, командер ждал специалистов на палубе.

– И что скажете? – задал естественный для командира вопрос.

– У вас на борту с людьми ничего странного не происходило? – прозвучал встречный вопрос.

– Если бы произошло что-то из ряда вон выходящее, я бы доложил.

– А если не «из ряда вон», а просто что-то нелогичное? Это тоже возможно. Например, самый вежливый член экипажа вдруг разразился руганью.

– Вы встречали когда-нибудь вежливых матросов? Я лично за свою жизнь не встречал. А вообще, что касается странностей и нелогичностей... Мне ничего не докладывали. Скоро ужин. Я задам вопрос в кают-компании. Пока ничего сообщить не могу. А что-то должно было быть? Я бы хотел знать конкретно, что именно.

– До эсминца дошла слабая волна радиосигнала непонятного характера. Ослабленная волна, я бы так сказал. Но это могло быть что угодно. Это могло быть даже атмосферное явление, а вовсе не направленная атака. Какая-нибудь вспышка на солнце, на которую среагировали приборы. Но это касается только эсминца. Со шхунами будем разбираться. Кстати, мы не посмотрели данные. В то время поблизости не пролетали самолеты?

– Нет. Если бы наши локаторы засекали самолет, мне бы сразу доложили.

– Нам нужно осмотреть шхуны. Правда, уже темнеет...

– Ночью прибудет, как обещал, японский полицейский катер.

– Тем более нам нужно осмотреть. До прибытия полиции.

– Могу вас туда отправить. В чем проблема?

– В освещении.

– Мои прожектора туда не достанут. Почти полмили...

Подойти ближе со своей посадкой не могу. Сяду на мель. Но на шхунах, думаю, есть свое освещение. Рыбаки же и ночами работают. Вам выделить электрика, чтобы посмотрел?

– Спасибо, мистер Лаудруп. У нас есть свой специалист. Он у нас без электричества заставит лампочку светиться...

Во время ужина командер опросил младших командиров относительно поведения экипажа. Единственное, что смог узнать, примерно в то же время, когда японские рыбаки пытались донырнуть до дна, многих матросов охватило необъяснимое раздражение.

– Может быть, остатки радиоизлучения все же сюда проникли, – сказал один из экспертов.

После ужина обе бригады специалистов стали собираться. Встал вопрос, как их отправить. Гидроплан в действительности является только самолетом, и ни в коем случае нельзя его считать плавсредством. Это понимали и пилоты и не желали ночевать в море при такой сильной волне. Пилоты не знали, насколько могут задержаться эксперты, и потому гидроплан взлетел и удалился куда-то в сторону Тихого океана. Где ему дадут посадку, это, по большому счету, Лаудрупа мало интересовало. Однако специалистам-экспертам командир эсминца сразу сказал, что не берется доставить их, куда им потребуется, корабельным ходом, разве что вертолетом или даже двумя, имеющимися на борту. Возвращение восвояси специалистов волновало мало. Они легко согласились и на вертолет, чтобы не ждать возвращения гидроплана,

связались с кем-то из своего руководства по телефону спутниковой связи, и им определили место, куда их должен доставить вертолет. Вылет назначили на время окончания специалистами всех работ. А осталось им сделать мало. Бригада электронщиков уже завершила осмотр шхун. Только медицинская бригада снимала в лазарете электроэнцефалограммы с рыбаков. А это процесс не длительный, хотя с привязанным сумасшедшим радистом пришлось повозиться. Радист старался укусить любого, кто протягивал руку к его голове, а рыжую женщину даже укусил за палец.

Лаудруп снова запросил штаб Седьмого флота по поводу японцев в своем лазарете и получил приказ передать их на полицейский катер. Относительно рыболовецких судов в запросе тоже была соответствующая строчка. Но по этому поводу сказано ничего не было. И командир эсминца решил, что, поскольку суда являются собственностью Японии, американские военно-морские силы не имеют права на них претендовать. Тем более в водах, которые Япония считает своими территориальными.

Все специалисты закончили свои исследования до прибытия полицейского катера. Перед посадкой в вертолет командер Лаудруп все же решился и задал вопрос:

– Может, хотя бы в двух словах мне объяснят, что это было? Я не первый год плаваю, но такого сумасшествия еще не видел...

– А что здесь можно объяснить? – спросил встречно ру-

ководитель бригады электронщиков.

– Как хотя бы назвать то, свидетелями чего мы стали? Это было психотронное оружие?

– Забудьте лучше про психотронное оружие и не поминайте его нигде. Считайте это инфернальной атакой⁷. Знаете, что это такое?

– Конечно. Я же верующий человек.

– Тогда молитесь, чтобы с вами и с верным вам эсминцем этого не произошло. Мы уже встречались с такой атакой, произведенной с воздуха. Несколько лет назад в Северной Африке. Мы встречались с такой атакой на суше, и даже несколько раз, и в разных местах. А теперь вот познакомились и на воде. Никто не знает, что это такое. И вы забудьте...

Двигатель вертолета уже начал чихать, и винты стали поднимать ветер. А вскоре специалисты улетели. Коммандер, подавив раздражение, старался оставаться невозмутимым и, чтобы наглядно продемонстрировать это, отправился спать, однако долго не мог уснуть, ворочался, потом уснул, а через четыре часа его разбудил вахтенный матрос. Прибыл японский полицейский катер. Командиру эсминца не слишком хотелось стать официальным лицом во всей этой истории, тем не менее полицейский следователь допрашивал Лаудрупа, используя при этом корабельного переводчика, поскольку полицейским, как объяснил сам следователь, вовсе

⁷ Инфернальный – идущий от дьявола. Инфернальная атака – атака со стороны сил ада.

не обязательно знать английский язык, так как они находятся в своей стране и в своей стране предпочитают говорить на родном языке. И вообще, как показалось Лаудрупу, полицейский был настроен подозрительно по отношению к американцам. И даже выказывал большую неприязнь, чем к китайцам. Более того, некоторые вопросы были поставлены так, будто китайцев вместе с их катерами здесь вообще не было, а рыбаки стали жертвой каких-то опытов американцев.

Такое отношение к представителям Соединенных Штатов, хотя оно и не ново и в определенных кругах известно, причем не только в одной Японии, могло вызвать ответную реакцию, и оно ее вызвало. Лаудруп стал отвечать односложно, если была такая возможность: «да» или «нет», и воздерживался от комментариев. А на прощание полицейский следователь, уже после подписания протокола допроса свидетеля, когда все вышли к трапу, а в полицейский катер были перегружены трое рыбаков из лазарета, задал через того же переводчика вопрос:

– Что это было? Как вы считаете? Просто как человек. Вы же все видели...

– Инфернальный случай...

Следователь термина не знал, и переводчик долго объяснял ему суть инфернальности. А для этого пришлось чуть ли не углубиться в истоки христианства. Лаудруп слушать это устал, козырнул и ушел в свою каюту...

Глава первая

Эту большую квартиру в Серебряном переулке с видом из окна на остатки кладки колокольни церкви Николы Явленного, которую московские власти обещают вскоре восстановить, и, если посмотреть из того же окна наискосок, на Арбат военный психотерапевт, профессор, полковник Игорь Илларионович Страхов купил совсем недавно благодаря гонорару за изданную в Китае книгу. Хотя в России все простые люди ругают сам Китай и низкокачественные китайские товары, заполонившие российский рынок, Игорю Илларионовичу китайцы ничего плохого не сделали и даже заплатили неслыханный по нынешним временам гонорар, и он к ним относился почти с симпатией. Таких гонораров не платят ни в России, ни в Европе, ни в США. Китай – страна большая, и тиражи книг там все еще так же велики, как когда-то были в Советском Союзе. Потому и гонорар большой. Так ему объяснили. Даже на научную литературу тиражи были намного больше, чем в той же России на разрекламированную популярную беллетристику. А кто же будет недоволен тем, что ему хорошо платят. Профессор был доволен. Хорошо заплатили, значит, есть за что...

Изначально профессор Страхов хотел купить квартиру попроще и в районе более дешевом, и даже деньги на покупку были отложены еще во времена, когда была жива жена,

но что-то сорвалось с покупкой. Кажется, продавцу предложили выгодный вариант обмена, и он его предпочел. А тут этот гонорар подвалил. Дополнительно удачно продал старую квартиру, тоже, кстати, китайцу, только российскому гражданину, и так, благодаря стараниям китайцев, стал жить там, где жить никогда и не мечтал.

В квартире пока еще царил кавардак. Как въехали в нее, так все руки не доходят порядок навести. Кроме того, полковник заказал книжные стеллажи для своего кабинета, чтобы они подходили по размеру. Стеллажи не были еще готовы, и книги его обширной библиотеки лежали в разных углах связанными стопками. Порядок соблюдался только на письменном столе, за которым Игорь Илларионович работал. Если на столе был беспорядок, если даже лежал лишний лист бумаги, это отвлекало внимание и сбивало с мысли. И потому стол полковника Страхова всегда был чистым, без единой пылинки на стекле. А под стеклом только одна бумажка в половину стандартного листа формата А4 – номера нескольких нужных служебных телефонов – и фотография покойной жены. Жену профессор похоронил полгода назад и до сих пор не мог привыкнуть к одиночеству, которое не могла полностью скрасить дочь. Она и дома-то бывала не всегда. Часто только ночевать приходила.

В этот вечер дочь обещала привести своего друга, а тот еще какого-то своего друга или просто товарища, у которого были серьезные проблемы с психикой, причем проблемы,

напрямую касающиеся работы профессора Страхова. Друг дочери, Борис, вертлявый и пронырливый журналист, считающий, что он знает все, но часто путающий, как почти все журналисты, вещи, обыденные для специалиста, профессору не нравился. Тем не менее это был выбор дочери, и Игорь Илларионович старался никоим образом не давить на Алину. В данном случае полковник вообще не мог понять, откуда Борису известны его работы и почему он уверен, что тот друг Бориса, или его товарищ, может быть, даже и плохо знакомый человек – за Борисом и это «не заржавеет»! – как раз является клиентом профессора. Во всей большой России мало кто знает, чем профессор занимается, поскольку главные дела Страхова являются государственной тайной. Даже в Российском национальном исследовательском медицинском университете имени Пирогова, где он еще и преподает и является руководителем исследовательской лаборатории, студенты полностью не осведомлены о тематике работ своего профессора, хотя кое-кто знает, что он руководит еще одной исследовательской лабораторией, и даже некоторые из студентов в той лаборатории помогают своему профессору. Однако и они не в курсе основных дел. Знают только свои конкретные участки исследований. Составить из разрозненных кусочков целый пирог может только один полковник Страхов. Но Борис, оказывается, все знает. Конечно, он это только декларирует с привычной журналистской наглостью. Это несколько смешило Игоря Илларионовича, но погово-

ритель со своим «потенциальным клиентом» профессор согласился, думая, что если сам не сможет помочь человеку, то, по крайней мере, договорится с кем-то из знакомых специалистов, которые, возможно, и сумеют помочь.

Сейчас Алина заваривала зеленый чай. Заваривала так, как учил ее когда-то отец. Наверное, хотела сделать его добрее к своим друзьям. Но он и без того дочери ни в чем не отказывал. Ведь они остались только вдвоем, и это их сплотило, как думал профессор.

Чтобы встретить гостей, Игорь Илларионович оделся в военный мундир. Конечно, не в парадную, а в повседневную форму, которую носил обычно только на лекции в национальном исследовательском медицинском университете. Правда, там он на мундир надевал белый медицинский халат, дома халат был необязательным атрибутом. В исследовательских лабораториях можно было обходиться и без мундира. Особенно во второй, где носить мундир просто запрещалось внутренним распоряжением, хотя там почти все были людьми не гражданскими.

Звонок в дверь раздался на полчаса позже обещанного времени. Что журналисты вообще народ необязательный, это Игорь Илларионович хорошо знал. И потому особо не волновался. Волновалась только Алина, но ее волнение было понятным, она просто боялась, что опоздание может не понравиться отцу. Ее он с детства приучал уважать чужое время. Она еще в школе училась, собиралась как-то в школу

не торопясь. На замечание отца Алина сказала:

– А-а... Первым уроком литература. Можно опаздывать...

– Опаздывать нельзя никогда, – Игорь Илларионович был категоричен. – Представь, что вы к экзамену готовитесь, а учитель на половину урока опаздывает и не успевает вам дать знания.

– Сейчас же не экзамен.

– Опаздывать нельзя никогда. И никуда...

Это в память Алины запало, и она старалась с тех пор уважать чужое время, как свое. Алина к отцу всегда относилась с уважением.

Дверь открывать пошла она. О чем разговаривали в коридоре, профессор не слышал, но через пару минут Алина поскреблась в дверь. Она всегда скреблась, как мышка, а не стучала.

– Да-да, я жду... – сказал Игорь Илларионович.

Вошли Борис и мужчина средних лет, за ними Алина. Уже по испуганному взгляду, который мужчина бросил по углам кабинета, Игорь Илларионович понял, что нервы у него расшатаны основательно.

– Вот, папа... – сказала Алина, словно объясняя отцу, кто пришел.

– Да, пусть проходит. Место, куда сесть, есть...

Мужчина несмело шагнул к столу. Борис последовал за ним, намереваясь, видимо, присутствовать при беседе.

– Боря, у вас тоже проблемы со здоровьем? – спросил Игорь Илларионович.

– Нет. Я просто хотел...

Он просто хотел удовлетворить свое любопытство, понял профессор.

– Помогите, пожалуйста, Алине на кухне...

Борис вышел, состроив кислую мину. Вышел откровенно неохотно.

– Итак, вас зовут... – приступил профессор Страхов к беседе.

– Тезка ваш. Игорь...

– А отца своего вы помните?

– Конечно. Он, слава богу, еще жив и здоров.

– Тогда и отчество, пожалуйста.

– Игорь Владимирович.

– Вы чем, Игорь Владимирович, занимаетесь?

Последовала долгая артистическая пауза.

– Я – артист. Работаю в театре-студии...

Это было произнесено с типичным актерским пафосом. Словно бы с желанием удивить человека и подчеркнуть перед ним свою значимость. Игорь Илларионович несколько раз встречался с артистами, и даже с известными, носящими звания, и, кроме амбиций и высокого мнения о себе, больше ничего в них не увидел. Ни интеллекта, ни простой человечности, ни ума. Может быть, ему просто не везло на такие встречи. Но пафосные амбиции сразу отталкивали его

от желания помочь человеку. Тем не менее как врач он был обязан помогать. Даже переборов собственные симпатии и антипатии.

– Дважды, кстати, снимался в сериалах. Может быть, вы видели...

– Извините, я не смотрю сериалы. Я вообще телевизор не смотрю.

– Мне просто показалось, что вы меня узнали.

А в этой фразе даже надежда присутствовала.

– Следующий мой вопрос традиционен, – Игорь Илларионович не хотел далеко отступать от дела. – На что жалуетесь? Что беспокоит? Что привело ко мне? И почему именно ко мне?

– Все. Все мое теперешнее состояние. Может быть, я просто переработал, переутомился, когда готовили новый спектакль. Но состояние сейчас такое... Я просто затрудняюсь его как-то охарактеризовать... В голове постоянно голоса какие-то слышатся. Кто-то что-то мне приказывает, я делаю глупости, которых никогда раньше не делал, и сразу забываю об этом. А потом, когда все выплывает, вспоминаю очень смутно и не могу понять, как я это сделал. И все внутри ломается. Я чувствую себя так, словно во мне живет кто-то посторонний и управляет мной. Недавно в спектакле, при трагической сцене, я вдруг дико расхохотался. Хорошо, что и зрители, и наш режиссер приняли это за изображение истерики, нервного срыва. Это посчитали находкой. А я с таки-

ми находками постоянно живу на грани самоубийства. Я не хочу так жить, не хочу. Мне плохо от этой жизни. Я хочу быть самим собой. У меня есть собственная личность, которая борется с другой личностью, что во мне поселилась. А иногда мне хочется кого-нибудь убить. Не кого-то конкретного. А просто так – первого встречного. И мне стоит большого труда погасить в себе эти желания. И еще... Я постоянно боюсь. Абсолютно всего. Боюсь входить в дверь. Лифт наводит на меня ужас. Мне кажется, что от каждого нового человека исходит угроза. И от вас тоже...

– Вы, видимо, не расслышали часть моего вопроса. Что привело ко мне? И почему именно ко мне? Почему в простую поликлинику не обратились?

– Чтобы в «психушку» уложили? Извините, не хочу. Оттуда здоровыми не выходят. Знал отдельных людей, кто туда попадал. После этой больницы человек становится конечным. А тут Борис посоветовал. Обещал с вами познакомить.

– Понятно. Вы пьете? – спросил профессор откровенно, видя мутные, с красными прожилками на белках, глаза актера.

– Не то чтобы трезвенник, но только изредка себе позволяю. В последнее время вообще стараюсь не потреблять. Иначе я теряю контроль над собой. Не то состояние, чтобы можно было себе позволить спиртное. И вообще, какая-то бабья истеричность во мне появилась.

– Семья у вас есть?

– Я разведен. Уже давно.

– Один живете?

– Один.

– Да, одному бывает трудно справиться со своими проблемами.

– Может, это счастье, что я один. Меня все раздражают. Будь у меня дома жена, я мог бы легко сорваться, и... И натворить бед...

Игорь Илларионович думал почти минуту. Пациент молчал.

– Ну что, будь вы человек посторонний, я бы посоветовал вам все же обратиться к участковому психиатру. Я все-таки не психиатр, я только психотерапевт. И ваш случай – не совсем мой профиль. Но поскольку вы, как я понимаю, хороший знакомый моих, так сказать, знакомых... Да, так вот... И как часто вы слышите голоса, чьи-то приказы?

– В день бывает по несколько раз. Особенно вечером, после спектакля. Вот после репетиции не так. После репетиции я спокойнее. А после спектакля возбуждение долго не проходит, возвращаюсь домой, завариваю кофе, сажусь перед телевизором, и тут начинается...

– Какие каналы смотрите?

– У нас дом обслуживают целых три кабельных оператора. Их, в основном, и смотрю. Еще спутниковые. После спектакля обычно часов до трех ночи сижу. Спать даже не пробую. Знаю, что уснуть не смогу. Просто тупо сижу и смотрю в те-

левизор. Иногда даже не понимаю, что смотрю.

– Принимаете какие-нибудь препараты? Транквилизаторы или еще что-то?

– Нет. Я вообще противник всяких медикаментозных способов лечения.

– А если без них нельзя?

– Потому к вам и пришел. Вы же не работаете на аптеки, как большинство современных врачей. По крайней мере, вас трудно в этом заподозрить. Вы не ведете официального приема больных, и это уже многое значит.

– Да, к сожалению, о врачах в последние годы приходится слышать много плохого.

– И очень мало хорошего. Врачи равнодушны к больным. Они не воспринимают пришедших к ним людей как больных.

– Наверное, это так. Но, по большому счету, даже обвинять врачей в этом сложно. Один день приема в поликлинике, грубо говоря, один день чужой боли. Вы понимаете, что это такое для восприимчивого, эмпатичного человека? Ни один самый здоровый организм не выдержит такой нагрузки. И равнодушие врачей – это способ их самозащиты. Точно так же, как у полицейских. Их равнодушие – это тоже способ самозащиты, самосохранения. Болеть и переживать за всех ежедневно – просто опасно. Поэтому простите уж врачей и полицейских.

– Не знаю, как у врачей, но у нас не так. Если будешь на

сцене оставаться равнодушным, если не сможешь войти в образ, лучше на сцену не выходи. Зритель не поверит. И потому, наверное, мы так устаем. Может быть, у меня просто усталость?

– Мне пока трудно сказать. А как давно у вас началось такое состояние?

– Уже больше полугода. Мне тут один знакомый советовал в Троице-Сергиеву лавру съездить. Там какой-то священник Гермоген изгоняет из людей бесов. Говорит, что со мной очень похожий случай. А я уже настолько от всего этого устал, что готов даже к священнику обратиться.

– Вы, я вижу, человек неверующий.

– Меня воспитывали атеистом.

– Вы говорите так, словно этим гордитесь. Нас всех воспитывали атеистами. Особенно наше поколение. Но многие сами пришли к Богу. Я бы вам посоветовал подумать об этом. Но настаивать не буду. Я сам, по роду своей профессии, занимаюсь тем, что христианство отвергает. И могу вам предложить только такую помощь. Не христианскую. Я попробую в состоянии гипноза определить корни вашего нервного расстройства. Если оно нервное, я, возможно, буду в состоянии вам помочь. Если это расстройство психическое, я поговорю со своими коллегами. По крайней мере, я вам помогу найти достойного психиатра, который не уложит вас сразу в больницу, а постарается помочь амбулаторно. И даже негласно.

Игорь Илларионович вышел из-за рабочего стола, приот-

крыл дверь и сказал в коридор:

– Алина, мы будем проводить сеанс, постарайтесь нам не мешать.

Смех на кухне сразу стих, и до профессора донесся только невнятный шепот. Это ему не мешало, тем более дверь была закрыта.

Профессор вернулся к пациенту.

– Встаньте ко мне лицом. Смотрите прямо перед собой. Расслабьтесь. Вы недавно пришли с улицы. Сильный снег идет?

– В этом году еще не было снега, профессор. Зима не спешит к нам...

– Но вы пришли, полностью засыпанные снегом! Я же видел!..

Артист задумался. И в этот момент Игорь Илларионович властно приказал: «Спать!»

– Спать! Вы будете спать и слышать только мой голос. Даже с закрытыми глазами вы будете прекрасно меня слышать и все понимать. Вы будете отвечать только на мои вопросы. Никакие посторонние помехи не будут вам мешать. Спать... Спать... Спать...

Это был старый способ быстрого введения в гипнотический сон. Можно вводить постепенным счетом, жестикуляцией, концентрацией на светящихся предметах, поглаживанием, а можно вводить пациента сразу, задав ему нелепый вопрос, заставив задуматься. И в этот момент его психика и

поддается суггестическому приказу.

– Вы сейчас спокойны. Вы расслаблены. Вы прекрасно себя чувствуете. Все ваше беспокойство куда-то ушло. И вы отчетливо помните, откуда оно взялось. Вы все хорошо помните. Вы помните, когда в первый раз оно пришло к вам. Когда?

– Когда я сделал это... Я совсем забыл, что сделал это, а беспокойство осталось. Я не знаю, зачем я это сделал. Мне кто-то приказал так, что я не мог отказаться. Мне приказали, и я убил ее. И совсем про это забыл...

Артист вдруг замолчал и сжал губы.

– Кого вы убили? – спросил профессор. – Кто приказал вам?..

– Что ты суешься не в свое дело... Еще один вопрос, и он умрет! – вдруг ответил хорошо знакомый профессору голос.

Уста артиста говорили чужим голосом. Может быть, он был хорошим артистом – этого Игорь Илларионович не знал. Но имитатором он точно был талантливым. И голос повторил так, что профессор узнал его без всякого труда. Голос этот характерный, густой и властный. С таким голосом хорошо бы диктором на радио работать. Любой Левитан позавидовал бы.

– Я сейчас досчитаю до пяти, и вы проснетесь... – резко пошел на попятную Игорь Илларионович. Он не хотел смерти постороннего человека в своем кабинете. И был уверен, что при следующем вопросе артист умрет, и потому предпо-

чел прекратить сеанс.

– Один... Вы спокойны... У вас хорошая и крепкая нервная система. Два... Вы спокойны, и нет причин, которые мешали бы вам хорошо себя чувствовать... Три... Сейчас вы проснетесь. Мы будем пить чай. И вас ни разу за весь вечер не посетит беспокойство. Четыре... Просыпайтесь... Пять... Все хорошо. Садитесь...

Профессор вернулся на свое место и расстегнул полковничий китель. В последнее время он стал сильно и резко поправляться, и китель уже давил на живот, особенно когда сядешь – того и гляди, пуговицы «с мясом» оторвутся. Но и в расстегнутом кителе Игорю Илларионовичу было трудно дышать. Артист сидел по другую сторону стола и ждал, что скажет профессор. Но долгого молчания не выдержал.

– Я долго был это... «в отключке»?

– Нет. Не долго. Что же, молодой человек... Могу дать вам несколько советов, не объясняя сути. Возможно, мои советы покажутся вам странными, тем не менее это единственное, чем я могу вам помочь. Во-первых, не включайте телевизор. Никогда не сидите перед ним. А еще лучше... Да, это будет, думаю, лучше всего... Есть у вас возможность хотя бы месяц пожить где-то в другом месте? Скажем, за городом. Если есть такая возможность, сегодня же уезжайте. Сразу, как выйдете от меня. Зайдите домой только для того, чтобы забрать необходимые вещи, документы, деньги. И уезжайте. Хотя бы на месяц. У вас есть такая возможность?

– У меня домик в деревне. Не совсем под Москвой, но все же. Можно на электричке ездить. Только я не понимаю, чем это поможет. Мысли-то мои со мной...

– Вы многого не понимаете. Две минуты назад вы были на волосок от смерти. В деревне, на свежем воздухе... И, главное, без телевизора... Вы можете прийти в себя... Не гарантирую, но это может помочь. И не отвечайте на звонки, если они идут с незнакомого номера. И вообще все разговоры ведите предельно коротко. Просто сообщите собеседнику, если не имеете возможности не отвечать ему, что сейчас заняты и сами перезвоните позже. Но не перезванивайте. Минимум общения через сотовую связь. Попробуйте использовать стационарную, хотя сейчас большинство людей от стационарных телефонов отвыкли. Когда будете по необходимости в город приезжать... Вы же работаете... По улице идете, смотрите себе под ноги. Не глазейте по сторонам. Избегайте встречаться с кем-то взглядом, не рассматривайте рекламу. Просто погрузитесь в свои размышления. Если беспокойство не будет проходить, снова приезжайте ко мне. Через неделю... Примерно в это же время. Я буду свободен. Можете уже без Бориса. Мы вместе подумаем и что-нибудь придумаем. Адрес запомнили?

– Нетрудно запомнить. Дом Манукова⁸...

– Хорошо. Буду ждать. Если все будет нормально и встре-

⁸ Одно время сам переулочек носил имя Ф.С. Манукова, деда полковника А.В. Суворова, которому принадлежал этот большой дом.

ча не понадобится, просто позвоните мне, – полковник протянул артисту свою визитную карточку с номером сотового телефона.

Игорь Владимирович встал.

– А вообще, Игорь Илларионович, можете сказать, что со мной случилось?

Профессор помедлил с ответом, но все же дал его.

– Я затрудняюсь назвать это правильно, по-научному. Если не по-научному, если по-народному, то вы просто «зомбированы», или, что сейчас тоже часто применяется, «закодированы». Я не берусь сразу определить, каким образом и с помощью чего это сделано. Может быть, через телевизор, может быть, через Интернет, может быть, через сотовый телефон, может, просто вам в квартиру «рамку» установили. Есть такие антенны-трансляторы, называются «рамками». Правильно ваш знакомый советовал вам съездить в Лавру на сеанс экзорцизма. Он был недалеко от истины, хотя и не полностью прав. И я не уверен, что экзорцист сможет вам помочь. Я бы, если говорить грубо, сказал, что с вами произошел инфернальный случай. Только произошел он по вине не сатаны, а людей. И хорошо, что вы не все помните, что делали. Иначе вам бы жилось гораздо труднее. Поезжайте в деревню. Восстановитесь...

После сорокаминутного чаепития с тортом и после ухода гостей, которых пошла проводить до станции метро Алина, Игорь Илларионович сел за свой рабочий стол и обхватил

руками голову. Ему было над чем подумать. Хотя началась головная боль, мешавшая думать. Во-первых, тот голос, которым неожиданно заговорил Игорь Владимирович. Связь просматривалась очевидная. Это голос Арсена Эмильевича Торсияна, сослуживца профессора Страхова и тоже профессора, руководителя соседней лаборатории. Правда, лаборатория профессора Страхова называется научно-исследовательской, а лаборатория профессора Торсияна – научно-практической. Разница понятна. Торсиян пользовался тем, что наработывал Страхов. Но соваться в дела Торсияна Игорь Илларионович не собирался. У него не было намерения оставлять свою дочь сиротой.

Второй вопрос касался Бориса, друга Алины. Откуда этот полуграмотный, вертлявый и суетливый журналистишка что-то знает о работе Игоря Илларионовича? Во время чаепития он трижды пытался завести разговор о делах Страхова, и каждый раз делал акцент на том, что привел профессору клиента, которому никто другой помочь не сможет. И это было так. Борис говорил правду. В стране нет больше специалистов, обладающих необходимыми знаниями, которые способны были бы помочь человеку в большей степени, чем полковник Страхов. Более того, даже в мире таких специалистов можно было пересчитать по пальцам одной руки. Именно потому его книга была так хорошо воспринята в Китае, гораздо с большим интересом, чем в России, где вышла минимальным тиражом на очень плохой бумаге. А теперь с

китайского на английский книгу переводят американцы, на французский с китайского переводят французы, на немецкий тоже с китайского – немцы. Правда, венесуэльцы переводят с русского на испанский. Но это скорее исключение из правил. И потому профессор Страхов специально для венесуэльского издания написал новое предисловие. А переводчики на другие языки часто звонят Игорю Илларионовичу, желая выяснить вопросы, которые не очень им понятны при изложении иероглифами. Иероглифы допускают много вольных трактовок, а переводчики желали точности. Приходилось отвечать, часто даже письменно через Интернет. При этом несколько раз переводчики, в том числе и дружественные венесуэльские, касались вопросов, которые в книге не отражены, тем не менее было ясно, что профессор Страхов занимался их проработкой. Но эти вопросы были закрытой тематикой, которую у него хотели выудить. И Игорь Илларионович отлично чувствовал, что можно сообщать, а что не должно выходить за стены лабораторий.

Но все же – выходит. Причем выходит не за стены лаборатории Страхова, а за стены лаборатории Торсисяна. И встретился Игорь Илларионович с этим явлением совершенно случайно и заработал себе этой встречей только головную боль...

Глава вторая

С утра у профессора Страхова было две пары лекций в университете. В отличие от друга дочери Игорь Илларионович никогда и никуда не опаздывал, как и не приходил раньше времени. Была у профессора такая хорошая черта – он умел точно рассчитывать время, чтобы попасть туда, куда ему следовало попасть, строго к назначенному моменту. И обычно попадал минута в минуту. Общих затяжных разговоров в преподавательских комнатах Игорь Илларионович не любил, с коллегами по преподавательскому корпусу общался мало и вообще часто, если не было необходимости, даже не отметившись в преподавательской, сразу проходил в аудиторию, чтобы проводить лекции. Коллеги относили это к странностям его характера, но профессору можно иметь определенные странности.

В этот день Игоря Илларионовича попросили по телефону поторопиться в лабораторию, куда должны прибыть за испытательным оборудованием армейцы, и даже машину за ним прислали, и потому последнюю пару Страхов завершил на пятнадцать минут раньше. Машина уже ждала на улице. Не будучи уверен, что на машине доберется до лаборатории быстрее, чем на метро, а потом на автобусе, Игорь Илларионович все же сел в машину. Но его опасения не оправдались. Дороги в этот час оказались не сильно загруженными. Един-

ственная пробка встретила их на выезде из города на шоссе Энтузиастов, но в этой пробке одинаково стояли и автомобили, и рейсовые автобусы, и профессор ничего не выиграл бы, отказавшись от машины. Страхов был готов к этой пробке, поскольку знал, что они довольно часто бывают на шоссе Энтузиастов, и потому не сильно расстраивался. Расстраивались, наверное, те люди, которые его ждали. У них время, видимо, ограничено, иначе профессора так не торопили бы. Что-то говорили про самолет, который уже стоит и ждет получателей спецтехники на аэродроме в Чкаловске. Но если это военный самолет, то он подождет. Бороться с пробками профессор Страхов не умел, да ему никто и не предлагал заниматься этой проблемой. Хотя профессор Торсисян как-то предложил создать генератор, который будет запрещать половине городских водителей выезжать в четные дни, а второй половине в нечетные. Но идея не нашла поддержки.

Машина поднырнула под эстакаду Кольцевой дороги и после этого благополучно свернула в Реутов, насквозь проехала этот городок и по дороге углубилась в лес, потом свернула под запрещающий движение знак на боковую дорогу, по которой и добралась до ворот военного научно-исследовательского института. Ворота долго не открывали, проверяя пропуска и у водителя, и у полковника Страхова, и только после тщательной проверки створки механических ворот открылись. Третий лабораторный корпус, где размещались две лаборатории, был рядом, и около него стояло сразу четы-

ре микроавтобуса с черными армейскими номерами. Слишком много транспорта для сравнительно небольшого груза. Но, видимо, людей было много. Да, наверное, и армейское командование тоже желало знать, чем вооружают подчиненных...

Представители спецназа военной разведки оказались обыкновенными людьми, ничем внешне не поразившими воображение профессора Страхова. Игорь Илларионович много слышал про спецназ ГРУ – само наименование было, что называется, на слуху, и в его представлении офицеры этого спецназа должны как-то отличаться от других офицеров. Оказалось, внешне ничем не отличаются. Знакомство состоялось. Здесь же присутствовал и профессор Торсисян, поскольку теоретические разработки Страхова, касающиеся, в основном, человеческого мозга и способов воздействия на него, в жизнь воплощала именно лаборатория Торсисяна, переводя их из разряда психологии в разряд электроники. Кроме того, Арсен Эмильевич, как уже знал Страхов, имел к военным разведчикам и собственное задание, которое должен был предложить после представления основного.

Группу военных разведчиков возглавлял полковник с красивым лицом, которое было перечеркнуто застарелым шрамом. Как понял Игорь Илларионович, это был командующий войсками спецназа ГРУ полковник Мочилев. С ним находились еще два полковника, один подполковник, один капитан и сразу четыре старших лейтенанта, видимо, основные

действующие лица в предстоящем испытании. Здесь же присутствовал и подполковник ФСБ в камуфлированной форме. Что нужно было здесь этому офицеру, профессор Страхов не понимал, но не он формировал и приглашал состав и потому вопросов задавать не стал. Ставить и задавать вопросы должно руководство военного научно-исследовательского института, в который входили лаборатории. Чем оно успешно и занималось. Если пригласили этого подполковника, значит, он здесь нужен. Само мероприятие не было торжественным, хотя означало завершение значительного этапа поискового пути сроком в шесть лет. Да и проходило оно не в актовом зале, а в обыкновенном просторном кабинете, у дверей которого стояла охрана, чтобы другие любопытные сотрудники, не имеющие отношения к проекту, туда не попали. Сотрудников в институт набрать было трудно. Все они проходили длительную многоуровневую проверку, и каждый должен был понимать, что соваться в чужие дела не следует. Но лучше не провоцировать излишне любопытных, чтобы не пришлось потом искать им замену. Поскольку это длительный процесс, он может повлиять на ход работ. А излишне любопытных, как знал полковник Страхов, только на его памяти заменяли уже несколько раз. Куда они исчезали, полковника не интересовало. Он знал одно – работа у них такая...

Первым слово предоставили профессору полковнику Страхову. Заместитель генерального директора института

по научной работе Иосиф Викторович Лукин намеренно так его представил, для солидности, сказал и про преподавательскую должность, и про воинское звание, чтобы произвести впечатление на заказчиков и испытателей. Иосиф Викторович, как казалось Игорю Илларионовичу, сам часто путался в понятии «профессор»⁹, тем не менее употреблять это слово любил. А полковник – это для военных. Дескать, хоть человек и ученый, но все же – ваш. Тем более Игорь Илларионович был в армейском мундире, на который, кстати, все же надел белый халат. Его самого, впрочем, манера представления мало задевала, поскольку Страхов к званиям относился с равнодушием, отмечая только для себя, что это кое-что добавляет к предстоящей через несколько лет пенсии.

– Я начну издалека, – сказал Игорь Илларионович, остановившись перед офицерами, рассаженными в один ряд посреди кабинета. – Еще в тысяча девятьсот двадцать третьем году российский ученый, я говорю российский, так как тогда еще не было Советского Союза... Так вот, российский ученый Бернад Кажинский¹⁰ предложил схему при-

⁹ В российском научном мире существует два понятия «профессор». Это может быть и ученое звание, и должность преподавателя вуза. При этом если в армии полковник, занимающий генеральскую должность, все равно называется полковником, то в научных кругах человек, не имеющий звания профессора, но занимающий профессорскую должность, все равно называется профессором. А имеющий такое звание может работать даже дворником, но все равно при этом останется профессором.

¹⁰ Бернад Бернадович Кажинский (1890-1962) – советский ученый, инженер-электрик, пионер исследований в СССР в области телепатии и биологиче-

бора, способного повторять импульсы головного мозга человека и превращать их в звуковые сигналы. При этом была возможность передавать эти звуковые сигналы на значительное расстояние. Так называемое мозговое радио Кажинского по сути своей является аппаратом для зомбирования масс и прообразом современного психотронного оружия. Естественно, современный уровень развития техники способен предложить нам более широкий выбор и предоставить возможности для создания необходимых аппаратов, но даже в свое время Кажинский сумел добиться поразительных результатов. Семнадцатого марта тысяча девятьсот двадцать четвертого года в Москве впервые в мире произошли испытания дистанционного и разрушительного воздействия на организм. Первые опыты проводились на животных из цирка Дурова. Опыты оказались чрезвычайно успешными, но очень скоро сам дрессировщик отказался от их проведения, поскольку животные после обработки низкочастотными волнами отказывались в дальнейшем подчиняться дрессировщику.

К тому времени изобретение Кажинского уже перестало быть его собственностью и перешло под контроль спецслужб. При проведении экспериментов ставилась определенная и вполне конкретная цель – научиться внушать чело-

ской радиосвязи, кандидат физико-математических наук. Работы Кажинского были признаны. Выписка из протокола заседания Президиума Российской академии наук: «Признать исследования Кажинского в области «мозгового радио» перспективными».

веку нужные мысли. В тридцатые годы эксперименты по созданию средств внушения, позволяющих, как говорили официально, «повысить производительность труда и сплотить людей ради общего дела», продолжились и велись очень активно. Создавались и совершенствовались приборы, которые испытывались на заключенных ГУЛАГа. Но перед войной работы приостановились, поскольку были признаны излишне дорогими, а с репрессивными мерами НКВД справлялось и без «мозгового радио».

После войны, когда советская разведка донесла о разработке психотронного оружия в США, в Советском Союзе были извлечены из архивов материалы Кажинского, и началась большая работа. В тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году была создана лаборатория «Пион», куда откомандировали специалистов из Института судебной психиатрии, специалистов по человеческому мозгу. Там под руководством профессора Бориса Полоцкого, ученика Кажинского, репрессированного и специально выпущенного из лагеря для этих работ, была создана низкочастотная установка-излучатель «радиосон». Это был, по сути дела, модернизированный аппарат «мозгового радио», внешне похожий на радиопередатчик с антенной. Во время испытаний на полигоне под Новосибирском рота солдат из ста сорока пяти человек моментально заснула от действия излучателя непробудным сном. После пробуждения за солдатами велось годовое наблюдение и не было обнаружено никаких побочных эффектов. Но эффект

сказался через несколько лет, когда многие из тех, кто подвергся облучению, стали один за другим умирать. Испытаниями тогда руководил председатель КГБ Серов. Документы об испытаниях и о последствиях испытаний попали на стол к Хрущеву, который сильно опасался Лубянки. Это дало повод Никите Сергеевичу уволить Серова со службы «за самоуправство», работы под эгидой КГБ прекратить и передать все материалы по созданию психотронного оружия под контроль ГРУ. Что касается участников новосибирского эксперимента, то в июле пятьдесят восьмого года вышел совместный приказ Министерства внутренних дел и Министерства здравоохранения СССР о том, что лиц, замеченных в рассказах о воздействии психотронного оружия, надлежит изолировать в специальных учреждениях с последующим принудительным лечением. Так обеспечивалась секретность проведения экспериментов. Последний из участников эксперимента так и умер в стенах психиатрической лечебницы, куда был помещен после попыток дать несколько интервью средствам массовой информации и рассказать обо всем с ним случившемся...

Игорь Илларионович прогулялся перед офицерами в одну и в другую сторону, собираясь с мыслями и выжидая, может быть, кто-то что-то спросит, но вопросов не последовало, и тогда он продолжил:

– Я для чего все это рассказываю? Чтобы вы поняли – мы с вами только продолжаем давно начатую работу, и если

раньше о подобных работах широкой публике было известно очень мало, то и впредь дело должно обстоять точно так же. Даже вы, военные разведчики, не все знаете, хотя знаете больше многих других. И говорить об этом, как вы понимаете, не просто нельзя, но и опасно. То есть вы теперь все предупреждены о том, что случается с излишне разговорчивыми людьми. Я знаю, что у вас у всех есть допуск, оформленный по «форме один», что все вы давали расписку о неразглашении государственных, военных и прочих тайн, которые стали вам доступны во время службы. Начиная работать с нами, вы будете обязаны, прежде чем покинете эти стены, дополнительно дать похожую расписку. Такой у нас порядок. А теперь я объясню вам суть нашего эксперимента. Нашего с вами совместного эксперимента...

Существует два основных направления в разработках психотронного оружия. Тенденции, так сказать, существующие в мире. Например, в Соединенных Штатах, в Германии и во Франции, как нам известно, разрабатывается оружие, способное инфрочастотными или ультрачастотными колебаниями воздействовать на определенные органы человеческого тела. В основе этих приборов лежат данные о том, что каждый орган нашего тела подвержен возбуждению при разной частоте колебаний. Один генератор может вызвать остановку сердца, другой – невыносимые боли в области печени, третий приводит к затруднению дыхания и безудержному кашлю, четвертый – к безостановочной в течение несколь-

ких часов диарее. Низкочастотные генераторы такого типа уже созданы и использовались при разгоне демонстраций. В частности, последний был передан американской стороной властям Грузии, когда там правил Саакашвили, и с помощью этого генератора власти разогнали по ближайшим университетам всю толпу протестующих. Так волнения там и закончились в туалетах, и нажились на них только производители туалетной бумаги. Во Франции точно таким же генератором несколько лет назад тогда еще министр внутренних дел Франции Саркози разгонял беснующихся представителей мигрантской молодежи из исламских стран Африки и с Ближнего Востока. Что-то подобное испытывали и в Германии. Тоже на демонстрантах, хотя и на своих. Там, насколько мне известно, действовали на дыхательную систему. Генераторы, действующие на органы тела, разрабатывались и у нас, но предназначались не для армии, а исключительно для внутренних войск, занятых на подавлении тюремных бунтов. Сейчас, кажется, этим занимаются не внутренние войска, а войска Министерства юстиции. Однако я не совсем в курсе того, в какой стадии находятся эти разработки. Мы с их лабораториями мало контактируем. Да... Американские специалисты, имея прекрасное финансирование, могут позволить себе разработку сразу нескольких тем. Они их и разрабатывают и, к счастью, не совмещают. В частности, американцы создавали генератор, способный вызывать в армии противника панический ужас. Здесь уже идет прямое воз-

действие на мозг человека – непосредственное, целиком на весь мозг, с подавлением чувства ответственности, чувства любви к Родине и прочими аналогичными чувствами. Испытание такого генератора, если кто-то слышал, проводилось во время агрессии НАТО в Югославии. Кажется, довольно успешно для американцев. Результат был достигнут, хотя сами генераторы были чрезвычайно громоздки и энергоемки, настолько, что после соответствующей экспертизы программа их производства была остановлена. Мы, даже имея в наличии положительные примеры, все равно пошли своим путем, хотя в чем-то он перекликается со вторым американским вариантом, хотя и имеет принципиальные, я бы даже сказал, принципиальнейшие отличия. И связано это с достижениями российской и советской науки. Нашими учеными, специалистами в области мозга, было экспериментально доказано, что сам наш мозг генерирует электрические потенциалы, и в нашем черепе находятся органы, функции которых напоминают работу отдельных радиодеталей. И создающиеся электрические потенциалы напрямую связаны с психофизическими состояниями человека. При этом те же ученые, специалисты по мозгу, смогли определить, какой участок мозга за что отвечает и какие электромагнитные колебания способны его активизировать или, наоборот, ввести в «спящий режим». Главное здесь – в наличии генераторов, которые способны донести только нужный импульс до человеческого мозга. И не просто до всего, а лишь до опреде-

ленных клеток, которые только и реагируют на сигнал этой частоты. А для узкого сигнала не требуются великие энергозатраты. Таким образом, мы смогли обойти американских коллег. Во времена Советского Союза нашими учеными были наработаны важные материалы, значительная часть которых при правлении Горбачева и Ельцина каким-то образом ушли в США – или были проданы, или даже просто переданы, облегчив американским коллегам жизнь на поприще изысканий. Но кое-что осталось и у нас. Например, генератор, способный усыпить население на площади в сто квадратных километров. Этот генератор, созданный еще в семидесятые годы прошлого века, ни разу не только не использовался, но даже не испытывался. Может быть, и к счастью. Не могу точно сказать, к каким последствиям привело бы его использование. Беда состояла в том, что все подобные агрегаты громоздки, обязаны иметь мощные антенны и чрезвычайно энергоемки. По сути дела, этот генератор мало отличается от американских забракованных аналогов. И именно эта проблема побудила наших ученых перейти с метровых волн на исследование волн сверхвысокой частоты, которые способны практически вызывать те же самые последствия, что и метровые волны. Плюс ко всему то, о чем я ранее сказал, – узкий сектор направленного луча, короткий диапазон колебаний. Американцы пришли к этому раньше нас, но не смогли воспользоваться – мы их догнали и перегнали за счет исследований в области мозга, результаты которых у нас все-

гда под руками. Весь прошлый век сначала Бехтерев вел изучение, потом его дело продолжила внучка и захватила даже часть века нынешнего. То есть если к настоящему моменту те же американцы могут воздействовать в основном на внутренние органы и на психику, то мы можем своими компактными приборами в дополнение ко всему этому воздействовать на мозг и направлять человека к нужному нам поступку. Пока в мире в этом направлении результаты просматриваются только у российских и китайских ученых. Остальные, на наш взгляд, пока идут неправильным, сильно зауженным путем. Мы одним и тем же прибором можем воздействовать не напрямую на конкретные органы, а на участок мозга, отвечающий за эти органы. Здесь не требуется длительный и мощный сигнал. Мозг человека отличается чуткостью. Нашим же потенциальным противникам, как мы все еще зовем американцев, и, думаю, не без оснований, требуется совершенно другая аппаратура. Причем диапазон действия нашей установки настолько широк, что в состоянии полностью управлять человеком или группой лиц, которые попадают под сектор излучения, стоит только с одного диапазона переключиться на другой. Наш генератор позволяет из яростного воина сделать миротворца и пацифиста, из преступника-рецидивиста – человека, глубоко уважающего законы, из атеиста – верующего фанатика, более того, мы можем заставить любого сделать то, что нам требуется от него в данный момент. Процесс обучения и получения навыков не отнимет

много времени. Наверное, это займет не больше часа. И это вам обеспечит мой коллега профессор Торсисян.

Игорь Илларионович поклонился, приложив руку к груди и, хотя аплодисментов не дождался, отошел в сторону и сел за стол. А на его место перед офицерами спецназа военной разведки выступил Арсен Эмильевич, готовый начать сам процесс практического обучения. Впрочем, до этого профессору Торсисяну предстояло дать спецназовцам и другое задание.

– Я, как и мой коллега, тоже начну издалека, из-за границы. О том, что чтение мыслей станет возможным уже в ближайшие пять-шесть лет, говорят все чаще. С такими данными можно без проблем познакомиться в Интернете. Естественно, считывать мысли будут не люди друг у друга, а аппаратура у людей, что принесет в социум определенные удобства и неудобства и, мне думается, кардинально изменит все условия жизни людей среди людей. Предполагаемый срок в пять-шесть лет – это срок, когда подобная аппаратура будет узаконена и внедрена если не повсеместно, то хотя бы в местах, где максимально требуется знать правду. Например, в следственных органах или судах. И такая аппаратура уже существует. Не так давно в Англии членам целого семейства, проявившего добрую волю и давшего на это согласие, в организм были вшиты микрочипы, которые считывают мозговые излучения. Чипы передают команду на носимый в кармане генератор, а генератор уже выполняет опре-

деленные действия. Только человек подумает, что нужно открыть дверь дома, как дверь открывается, только он решает, что следует включить кофейник или чайник, как кофейник или чайник включается. Точно так же может включиться телевизор, кондиционер, открыться дверца холодильника, завестись автомобиль. И все только по мысленной команде, по желанию... И это только начало. Известный вам всем «детектор лжи» со временем станет смешной и ненужной игрушкой. Если чип понимает команды мозга, если он в состоянии эти команды расшифровать и провести действие, то он же будет в состоянии перевести эти действия в образы, доступные человеческому пониманию. Это сейчас девяносто процентов информации мы получаем визуальным путем. Со временем этот процент будет резко уменьшаться, и информация будет перекладываться в образы. А образы несложно расшифровать специальной техникой. Такая техника уже создается, и английская аппаратура тому подтверждение. Мы тоже стараемся не отстать. Я думаю, все уже слышали про некие браслеты, которые контролируют местонахождение и поведение подозреваемых в преступлении или даже осужденных за нетяжкие преступления. Тюремны переполнены, и содержать там человека, укравшего у соседа пару рваных калош, для государства просто обременительно. Он находится дома или на работе, но не в состоянии снять браслет, который полностью держит его под контролем фискальных органов. Мой коллега профессор Страхов уже говорил, что мы

не работаем на юстицию, мы – армейская структура, и нам ни к чему отслеживать осужденных или подозреваемых, хотя при получении заказа мы могли бы создать для них какой-то более эффективный прибор, чем браслет. Но заказа нет, и говорить не о чем. Однако у нас есть заказ со стороны вашей структуры. Вернее, не вашей, а со стороны ваших коллег из ФСБ и антитеррористических комитетов в республиках Северного Кавказа. Я не открою вам секрета, если сообщу, что пойманные и осужденные бандиты каким-то образом через несколько месяцев снова оказываются в бандах. И это стало системой, которую предстоит разрушить. В моей лаборатории был создан микрочип, размером меньше обычной сим-карты. И задача вам ставится почти медицинская. Нужно захватить раненого бандита, причем с раной на голове. И в эту рану, прямо под кожу, следует внедрить микрочип. А потом передать раненого бандита правоохранительным органам. Это позволит нам отслеживать его после суда и контролировать все его действия, как и действия определенного круга других лиц.

Слушая голос своего коллеги, Игорь Илларионович вспоминал, как минувшим вечером этим самым голосом говорил с ним артист Игорь Владимирович, в точности повторяя и акцент, и характерные для Арсена Эмильевича нотки. И думал о том, что плохо, если в голову артиста тоже вставили такой микрочип. Об этой разработке соседней лаборатории профессор Страхов знал очень мало. А, поскольку за-

прос о диапазоне работы определенных участков человеческого мозга был сделан именно в лабораторию Игоря Илларионовича, то микрочип Торсисяна будет не только контролировать поведение человека, которому он будет внедрен, но еще и управлять этим поведением, причем только в строго определенные критические моменты.

– В завершение сообщу, что с вами на операцию отправится Владислав Сергеевич Юрьев, подполковник спецназа ФСБ, который будет и чип вживлять раненому, и контролировать в дальнейшем его поведение. Ваше дело – обеспечить товарища подполковника раненым бандитом. Желательно, чтобы бандит во время операции по внедрению чипа находился без сознания. Сделаете?

– Они сделают, – за своих бойцов пообещал командующий войсками спецназа ГРУ. – А что у нас с обучением?

– Сейчас перейдем в соседнюю лабораторию и там начнем, – пообещал Торсисян. – Это недолго. Мы сделали для себя какое-то подобие тренажера. Чтобы обучаться не на живой цели. Просто компьютерная программа и панель управления. Покажу, попробуете, с десяток раз сделаете, и все будет в порядке. Инструкция прилагается.

У Игоря Илларионовича зазвонила трубка. Он вытащил ее, посмотрел на высветившийся номер.

– Да, Алина, слушаю тебя...

– Папа, ты своего вчерашнего гостя помнишь? Артиста...

– Только что его вспоминал. Он обещал через неделю при-

ехать или позвонить.

– Не приедет и не позвонит.

– Что случилось?

– Он вчера собрался поехать в деревню. У него дом там. Воздухом хотел подышать, как нам сказал. Забежал домой, а когда выходил, его сосед по лестничной площадке зарубил топором. Сзади ударил. Нормальный вроде человек, спокойный, семейный, не пил. И что случилось, сам теперь не поймет. Ничего не помнит. Борис сейчас звонил, рассказал. Убийцу на экспертизу отправили. Проверяют на вменяемость...

– Дай мне телефон Бориса.

– Зачем тебе?

– Дай телефон.

Алина продиктовала.

– Ты с нами поедешь туда?

– Я бы поехала, но не могу найти ключи. Куда-то сунула... Сейчас еще поищу. Всегда в сумке вся связка была. Уж и карманы проверила. Если найду, я позвоню Борису, он меня захватит. Тебя уже беспокоить не буду.

– Ищи...

Убрав телефон, Игорь Илларионович посмотрел на Торсисяна. Тот почувствовал взгляд, обернулся. Арсен Эмильевич вообще был чутким и подозрительным человеком, способным реагировать и на слово, сказанное едва слышно, и на взгляд, все принимая на свой счет.

– Арсен Эмильевич, как закончишь с военными, будь другом, загляни ко мне. Я у себя буду.

– Обязательно. Как только, так сразу... – белозубо-хищно улыбнулся Торсисян...

Глава третья

Игорь Илларионович наблюдал через окно своего кабинета, расположенного на втором этаже правого крыла лабораторного корпуса, за тем, как из здания выходили армейцы. В один микроавтобус сел за руль и уехал полковник Мочиллов, на другом микроавтобусе уехали два полковника, в третий сели капитан и подполковник, но не уехали, а стали дожидаться, пока загрузят ящик с аппаратурой и большую тарелку транслирующего локатора в последний микроавтобус, куда сели четыре старших лейтенанта. И только после этого обе машины направились к воротам. А профессор Торсисян все не спешил навестить коллегу, хотя обещал «как только, так сразу». В конце концов Игорь Илларионович не выдержал и сам позвонил Торсисяну. Но у того не отвечал ни стационарный телефон в кабинете, ни сотовый. Оставалось только дожидаться.

Профессор Торсисян все же пришел. В кабинет вошел, как обычно, без стука. Просто распахнул дверь и вошел, даже предварительно не заглянув, чтобы убедиться, что хозяин кабинета на месте, не узнал, не мешает ли он. И в этом был весь Торсисян, считающий, что он везде главный, что он везде самый желанный гость.

– Заходи, Арсен Эмильевич, присаживайся, – запоздало пригласил Игорь Илларионович, потому что Торсисян уже

сел, развалившись на стуле, напротив стола Страхова.

– Тебе что-то, Игорь Ларионыч, не понравилось в моем сегодняшнем выступлении? – спросил Торсисян, очевидно, решивший так, потому что пригласил его Страхов сразу после выступления перед офицерами.

– Нет. Не о том речь...

– Опять не о том речь! Везде не о том речь... Сейчас с «не о том речь» только что разобрался. Бытовой скандал. Характеристику в милицию требуют.

– В полицию, наверное, – поправил Страхов.

– А-а... Какая разница, как их называть. Они-то остались прежними. Менты, они и в Африке менты. У человека вообще два врага в природе – мент и теща...

– Где ты опять бытовой скандал устроил? – улыбнулся Страхов.

На счету Торсисяна было несколько бытовых скандалов, и об этом знали все в двух лабораториях. Может быть, даже все в институте, потому что Торсисян любил ходить по институту, открывая без стука двери и влетая в чужие кабинеты.

– Если бы я... А то без меня в этот раз обошлось. Я же говорю, два врага у человека, мент и теща. Вчера мы работали допоздна. У меня есть два мэнээс¹¹. Сережа и Стася. Домой они вместе поехали. Поздно уже. Темно. Сережа взялся проводить Стасю до дома. Она серьезная женщина. Муж, двое детей. И он серьезный, семейный, скромный. Пошел прово-

¹¹ Мэнээс – младший научный сотрудник.

жать, а навстречу ему теща попалась. Вынесло старуху вечером с собакой погулять. Так старуха на Стасю набросилась, лицо ей расцарапала. Да еще собаку натравить хотела. Хорошо хоть собака только лает, не кусается. Сережа тещу пытался уговорить, а тут менты подъехали и всех забрали. Теперь с меня требуют характеристики и на Сережу, и на Стасю. И еще объяснительную, чтобы указал, что они работали допоздна по производственной необходимости. Я тут позволил кое-кому, чтобы ментам скромности добавили. Обещали добавить так, что задница заболит.

– Потом догонят, и еще добавят, – в тон коллеге сказал Игорь Илларионович.

– Вот-вот, учить их надо.

– Тещу тоже?

– А ее в первую очередь. Палкой потяжелее. Так чего ты звал, Ларионыч? Сознаться, а то мне, как всегда, некогда.

– Хотел тебе посоветовать к ментам сходить. Может, вместе сходили бы, – дал замысловатый совет Игорь Илларионович.

Торсисян возмутился.

– И ты туда же? Что вам эти менты дались! К каким ментам?

– Ты, как я понимаю, работал по какому-то делу с одним артистом. Зовут его Игорь Владимирович. Было такое дело?

Торсисян какое-то время помолчал, потом поднял настороженный взгляд. Видимо, было отчего насторожиться, хотя

каждая лаборатория имеет определенные внешние связи.

– ФСБ с ним работала. Правда, я только помогал. А ты откуда знаешь?

– Артист этот вчера был у меня дома. Привели общие знакомые по поводу его состояния. Пограничное состояние¹²... В надежде, что я смогу помочь.

– И что? Что ты ему сказал?

– Я провел с ним короткий сеанс, чтобы узнать, с чего у него началось такое состояние. Ввел в транс, задал вопрос...

– И что?

– И мне ответил ты. Ты сказал, что еще один вопрос, и он умрет.

– Прекрасно. А дальше?

– А дальше – что могло быть дальше? Я понял, что в него заложена программа. Тобой заложена. И сразу вывел его из транса.

– Это я и так понял. Если я закладываю программу, это серьезно. А при чем здесь милиция?

– Полиция.

– Какая разница! При чем здесь полиция, если тебе так больше нравится?

– Я тебе уже сказал, что Игоря Владимировича привели ко мне хорошие общие знакомые, обеспокоенные его судьбой и здоровьем. Я должен был, ничего не объясняя знакомым,

¹² Пограничное состояние – относительно слабый уровень выраженности психического расстройства, не доходящий до уровня выраженной патологии.

тем не менее сказать им хоть что-то?

– И что ты им сказал?

– И им, и ему. Я посоветовал ему найти возможность куда-нибудь уехать хотя бы на время. Отдохнуть где-нибудь на свежем воздухе. Игорь Владимирович почти обрадовался, сказал, что у него есть дом в деревне в Московской области. И он, не отказываясь от работы, может там жить. Друзья, когда им сказали, поддержали его. Ехать он решил в тот же вечер. Боялся, как я понял, один находиться дома.

Профессор Торсисян смотрел на собеседника спокойным взглядом самоуверенного человека. Для него это был малый рабочий эпизод, и не более. В этом профессор Страхов расходился во мнении с коллегой. Для него не существовало малых рабочих моментов, когда речь шла о врачебной этике. А это был как раз вопрос врачебной этики с ее пресловутым «не навреди».

– И что дальше?

– Дальше хуже. Игорь Владимирович зашел домой, чтобы взять что-то из вещей, друзья остались ждать его внизу. И когда артист выходил из квартиры, на него набросился сосед и зарубил его топором.

– Сосед? Топором? – искренне удивился Арсен Эмильевич.

Честно, профессор Страхов не ожидал, что Торсисян так удивится. Он думал, что Арсен Эмильевич что-то знает об этом соседе.

– Сосед. Топором. Причем человек непьющий, спокойный, семейный. Без видимых причин. И сам не понимает, что случилось. Даже не помнит, что с ним произошло. Сейчас соседа отправили на экспертизу, проверяют на вменяемость. Что на это скажешь?

– А что я могу тебе сказать? Я следствие не вел. Я понятия не имею, что там произошло.

– Хорошо. Тогда важный профессиональный вопрос. Специально для тех, кто следствие не вел, но имеет причастность к делу. Если будут обыскивать квартиру убитого, там могут что-то найти?

Арсен Эмильевич даже со стула вскочил.

– «Рамка»! На стене за шкафом.

– Вот этого я и опасался. Думай сам, как вытащить. Я только предупредил.

– Сейчас позвоню, пусть ФСБ вытаскивает... Их клиент... Я только помогал, как технический специалист.

– И как гипнотизер.

Профессор Торсисян хищно улыбнулся.

– Чуть-чуть... Фоном накладывалось на радиосигнал. Без личного контакта.

Арсен Эмильевич вытащил мобильник, стал перегонять строчки в поисках нужного телефонного номера. Не нашел.

– Извини, Ларионыч, у меня телефон в другом мобильнике. Схожу к себе, позвоню. Спасибо, что предупредил. Копьяк за мной...

Он уже дошел до двери и даже руку положил на дверную ручку, но вдруг обернулся.

– Да... Я вот не понял только... Ты сказал, что слышал мой голос. Я сказал что-то? Но я с ним лично не контактировал. Рамку, когда его дома не было, помогал установить. А так... Я его ни разу в глаза не видел.

– Голос фоном накладывался на радиосигнал. Так ты сказал. Игорь Владимирович слышал, он же был актером и умел имитировать голоса. Он очень похоже изобразил твой голос. Я даже вздрогнул и обернулся, хотя ты у меня в новой квартире ни разу не был. Не знаю, каким он был актером...

– Никудышным... Ниже среднего... Так в ФСБ сказали.

– Допускаю, хотя оценка этих людей может быть субъективной и вообще некомпетентной. Они чем-то похожи на журналистов. Считают, что знают все, а в действительности знают очень мало. Но здесь я спорить не буду. Я не театрал. Может быть, как актер драмы он и никудышный. Но имитатор отличный. И тогда, когда твой голос услышал, я понял, что произошло с ним. А вот что произошло с соседом, следует разобраться.

– Разве это наше дело?

– Если в квартире была «рамка», она могла посылать сигнал и через стену. И вот результат. Для нас это урок на будущее. Разбираться все же придется.

– Стена железобетонная. Она должна экранировать. У меня нет времени, чтобы с этим разобраться. Еще нужно разо-

браться с ментами и тещами. Там все-таки мои сотрудники, пусть и младшие, но научные. А кадры следует беречь.

– Экран мог оказаться слабым. Я могу сам поговорить с женой убийцы, если тебе некогда.

– Тебе-то это зачем?

– Научный интерес. Как сработала «рамка»...

– Если есть желание, я не возражаю.

– Договорились.

Арсен Эмильевич ушел, а профессор Страхов позвонил Борису. Но отключился от разговора до того, как Борис ответил. Вспомнился один момент из беседы с профессором Торсияном, который сам Арсен Эмильевич пропустил мимо ушей. С ним это бывает. Это бывает со всеми, кто считает, что знает если не все на свете, то хотя бы очень много, и ощущает себя компетентным во всем. Но возникший вопрос нельзя было разрешить простым умозаключением. Да и вообще раздумывать о нем всерьез было слишком рано, потому что серьезные раздумья предполагают полное наличие необходимых фактов. А именно фактов Игорю Илларионовичу пока и не хватало...

* * *

Вопрос, который заставил профессора Страхова отложить телефонную трубку, по сути и вопросом-то не был. Может быть, именно потому Арсен Эмильевич и пропустил его ми-

мо ушей. Можно было согласиться, что «рамка» работала по обе стороны стены, несмотря на экран из железобетонной стены, хотя это утверждение и требовало дополнительной проверки. И вполне можно было допустить, что сосед Игоря Владимировича тоже получил долю предназначенного другому целевого облучения. Но это облучение вовсе не говорило о том, что сосед должен был бы обязательно зарубить топором артиста в тот момент, когда он решился прибегнуть к помощи психотерапевта и пусть на время, но выйти из-под контроля «рамки». Здесь было над чем подумать. На совпадение времени «пробуждения агрессии» со временем попытки Игоря Владимировича выйти из-под контроля можно было выделить не больше пятидесяти процентов. Сам артист говорил, что испытывал он агрессивность только в определенные моменты. А в целом психика Игоря Владимировича не всегда была подвержена и агрессивности, и какой-то эксцентричности, когда он хохотал на сцене в трагический момент. Могло ли так совпасть, что и у соседа произошел какой-то внутренний взрыв, в тот момент, когда он услышал, как в квартире рядом закрывается дверь. Теоретически, конечно, могло и так случиться. Хотя даже в пятидесятипроцентную вероятность случайности верилось с трудом. А что еще могло быть? Это могло быть целенаправленное действие со стороны тех, кто контролировал артиста?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.